УДК 316.4

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-111-124

РОЛЬ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Куркин В.А.*Московский государственный областной университет**105005, Москва, ул. Радио, 10а, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Российское школьное историческое образование рассмотрено как инструмент политической социализации личности. Автором выявлены современные факторы, меняющие содержание политической социализации: воздействие глобализационных процессов, развитие информационно-коммуникационных технологий, идейно-политический полифонизм и противоречивая позиция СМИ. Отмечено, что в указанных условиях именно школа призвана через положительную интерпретацию отечественной истории сформировать ценностно-поведенческие установки подрастающего поколения, которые были бы ориентированы на укрепление государства и консолидацию общества. Используя сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, автор пришел к заключению, что недооценка воспитательной роли школьного исторического образования, имевшая место в 1920-е и 1990-е гг., закономерно сменялась осознанием государственной властью важности данного инструмента политической социализации подрастающего поколения. В статье выделены недостатки, присущие современному школьному историческому образованию и намечены пути по их устранению.

Ключевые слова: политическая социализация, политизация истории, историческое образование, школьная образовательная среда, политические нормы и ценности.

THE ROLE OF SCHOOL HISTORY EDUCATION IN THE POLITICAL SOCIALIZATION OF STUDENTS

V. Kurkin*Moscow Region State University**10a, build.1, Radio ul., Moscow, 105055, Russian Federation*

Abstract. School historical education in Russia is considered as an instrument of political socialization of a personality. The author singles out modern factors changing the content of political socialization. Among them: the impact of globalization processes, development of information and communication technology, ideological and political diversity and controversial policy of the media. It is stated that in such conditions it is school where the value attitudes of modern youth should be molded through the positive interpretation of native history. The attitudes should be oriented on strengthening of the state and society consolidation. Used by the author in the study, comparative-historical and problem-chronological methods allowed to come to the conclusion that despite temporary underestimation of the role of school history education in the

upbringing of the younger generation, which took place in the 1920s or the 1990s, there was a change to the government's growing awareness of this instrument significance for the political socialization of the youth. The article highlights the shortcomings inherent in modern school historical education. The ways to eliminate them are mentioned.

Key words: political socialization, politization of history, historical education, school educational environment, political norms and values.

Целью статьи является рассмотрение роли и места школьного исторического образования в политической социализации подрастающего поколения. Содержание исторического образования существенно изменилось под воздействием ряда факторов, в первую очередь, значительного расширения числа агентов социализации в контексте тиражируемой либеральной модели общественного развития и совершенствования информационно-коммуникационных технологий. Так, помимо официальной пропаганды, семьи, школы и микросреды подростка, на политическую социализацию в настоящее время активное влияние оказывают конкурирующие друг с другом СМИ, разнородное содержание Интернета, космополитическое по своему характеру массовое искусство. Другими факторами стали девальвация суверенитета государства в определении внутривнутриполитических приоритетов и формировании национальной идентичности в условиях глобальных процессов; возросшее влияние на социализацию молодежи «сетевого», слабо контролируемого взаимодействия, что снижает роль традиционных агентов социализации (прежде всего, государства и семьи) в этом процессе.

Исходя из сказанного, автор видел задачу в том, чтобы выявить характер изменений, происходящих в содержании политической социализации; причины, обусловившие возроста-

ния значимости школы в политической социализации молодежи; обосновать особую роль школьного исторического образования в политической социализации подрастающего поколения, в том числе по причине беспрецедентной политизации истории, различные интерпретации которой (часто фальсифицируемые) активно используются в политическом противостоянии как внутри страны, так и за рубежом.

Меняющееся содержание политической социализации

Сложность феномена политической социализации обусловила неоднозначность подходов в трактовке её сущности и содержания. В широком смысле под политической социализацией традиционно понимают процесс усвоения индивидом ценностей и норм политической культуры, присущих конкретному обществу и позволяющих индивиду эффективно выполнять те или иные ролевые функции в рамках принятых в политическом процессе норм и ценностей. В этом случае подрастающее поколение воспринимает «политические идеи, политическую позицию и поведение, типичное для данной общности» [8, с. 236].

По мнению политолога К. Рубчевского, в ходе политической социализации личность усваивает социальный и политический опыт, который ранее был накоплен обществом и сконцентрирован в нормах статусного и роле-

вого поведения, культурных традициях и коллективных ценностях [15, с. 149]. В рамках такого подхода под политической социализацией понимается весь комплекс изменений количественных и качественных характеристик человека, связанных с развитием его политического сознания, поведения и ценностно-ориентационной системы [4, с. 35]. В свою очередь, американский политолог Ф. Гринстайн придерживается мнения о том, что о политической социализации может идти речь только в том случае, если усвоенные индивидом нормы и правила стали устойчивыми регуляторами политического поведения индивидов [19, р. 190–191].

Существенные политические трансформации, происшедшие в мире в конце XX в., привели к уточнению теоретических подходов к определению данного явления. Стало очевидным, что политическая социализация, благодаря вовлеченности цивилизации в активные информационно-коммуникационные и «сетевые» процессы, во многом утратила свой прежний «вертикальный», управляемый со стороны государства характер, следствием чего стала девальвация значимости прежних агентов политической социализации. Согласно этой точке зрения, молодежь перестала быть пассивным социализируемым объектом, в настоящее время она все чаще стремится самостоятельно формировать и ретранслировать свои политические предпочтения и убеждения без оглядки на старшее поколение, что привело к существенному переформатированию прежнего механизма «наследования» политических взглядов и ценностей подрастающим поколением. Утрата значимости прежних агентов

социализации сопровождается расширением числа институтов, влияющих на процесс политической социализации, прежде всего разнородных по содержанию контенту СМИ, а также многочисленных политических и общественных организаций.

Теоретической рефлексией на изменившуюся социально-политическую реальность стал предложенный американским политологом и социологом Р. Мерелманом принципиально иной механизм усвоения политических ценностей и установок, который, с определенной долей условности, можно охарактеризовать как «горизонтальную» (lateral) политическую социализацию [20, р. 279–319]. В соответствии с этой концепцией индивид стоит перед необходимостью постоянного выбора из широкого спектра конкурирующих между собой образов политического мира, истинных и суррогатных ценностей и соответствующих моделей поведения. В отличие от «вертикального», на «горизонтальном» уровне отношения между агентами социализации и индивидами (в современном формально-демократическом обществе) носят относительно равноправный и динамичный характер, лишенный признаков «завершенности». Подобный вывод, низводящий роль и значение традиционных агентов социализации до маргинального уровня, представляется, однако, чрезмерно категоричным. Более адекватным, на взгляд автора, представляется подход, исходящий из того, что вертикальный и горизонтальный уровни политической социализации не отрицают, а взаимно дополняют друг друга [21, р. 8].

Относительно новый взгляд на проблему предлагает синергетическая

парадигма, активно используемая исследователями в последнее время. В соответствии с ней, социализация представляет собой процесс двоякого свойства. С одной стороны, она носит целенаправленный характер (через обучение, воспитание и пропаганду), а с другой – стихийно-реактивный. В первом случае речь идет об организации политической социализации на основе соответствующих институциональных механизмов. Во втором – о самоорганизации, которая осуществляется в рамках многоаспектных социальных связей человека, обусловленных его принадлежностью к различным социальным (прежде всего, профессиональным) группам, ролевыми функциями, условиями жизни и быта, личным и семейным опытом взаимодействия с политико-правовой сферой общества.

Исходя из этого, политическая социализация индивидов нередко принимает деформированное состояние, выражаясь в негативистском, пассивно-безучастном или лишь внешне лояльном отношении субъекта к властным структурам и проводимой ими политике. Однако по мере нарастания кризисных явлений в обществе политическое поведение индивида достаточно быстро оказывается в точке бифуркации, прохождение через которую может завершиться или стойким политико-правовым отчуждением личности или, напротив, осознанием жизненной необходимости (ради сохранения государственности) принимаемых властью политических решений. В этом противоречивом процессе огромную роль играет содержание исторического сознания индивида: в период кризисного этапа в развитии общества люди, как правило, ищут от-

вета на насущные вопросы бытия через исторические параллели.

Что касается узкого (инструменталистского) подхода, то, в соответствии с ним, политическая социализация понимается как процесс непосредственной включенности индивида-носителя в политико-правовую жизнь конкретного общества [13, с. 52]. При этом основное внимание уделяется изучению особенностей электорального поведения индивида, его политических предпочтений в ходе избирательных кампаний различного уровня. Наиболее продуктивной при изучении процесса политической социализации личности, на взгляд автора, является близкая к синергетическому подходу объектно-субъектная теория, которая трактует индивида одновременно и как объект, и как субъект политической социализации, способного самостоятельно формировать свои политические взгляды, приоритеты и ценности, подвергая критическому анализу содержание внешнего воздействия на этот процесс.

Оптимальным в этом отношении является определение социализации, предложенное социальным психологом Г.М. Андреевой, которая понимает под ней «двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей, с другой стороны, процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивидом за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду» [1, с. 214]. В этом многогранном процессе индивид вынужден как приспосабливаться к доминирующим в обществе политиче-

ским отношениям, так и стремиться повлиять на них, исходя из своих собственных или корпоративных интересов и социальных ожиданий. Задачами политической социализации в этом контексте (если говорить о её консолидирующей, а не разрушительной функции) является формирование желательных (приемлемых) для государственной власти модусов политического поведения граждан [9, с. 11–12].

Сложность подобной задачи обусловливается тем, что политической социализации присущи два ведущих аспекта: мировоззренческий (взгляды и вызванное ими устойчивое отношение) и практически-политический (деятельный). Если мировоззренческий аспект находит выражение в конкретной личностной позиции относительно содержания и характера политической жизни в стране, то практически-политический аспект предусматривает сформированный характер ценностно-поведенческих установок индивида, проявляющихся в ходе его той или иной включенности в политическую жизнь.

Роль школы в политической социализации молодежи

Большинство психологов и социологов сходятся в том, что основными в социализации личности (в том числе, политической) являются первичная и вторичная стадии. Первичная социализация охватывает ранние этапы жизни человека, детство и юность (с 3 до 13 лет), когда происходит приобретение начальных представлений о мире и обществе. Вторичная социализация, предполагающая овладение индивидом инструментальными навыками и умениями, необходимыми для

успешной адаптации к соответствующей социальной и политической среде, приходится на возрастной период с 13 до 18 лет. Соответственно, первые осознанные (как правило, наиболее устойчивые) политические взгляды и предпочтения, а также ценностно-поведенческие установки молодежь приобретает как в семье, так в рамках школьного образования, где на основе полученных исторических и обществоведческих знаний происходит формирование исторического сознания и первичного политического «я».

В современных условиях, когда политическая социализация молодежи подвергается воздействию различных, в том числе конкурирующих информационных источников, школа, реализуя государственный заказ в сфере политической социализации подрастающей молодежи, остается едва ли не единственным институтом, способным придать процессу управляемый, контролируемый характер [16, с. 398–421].

Особая роль школьного исторического образования

Особая роль школьного исторического образования заключается не только в том, что оно формирует такой важнейший элемент мировоззрения как историческую память, под которой понимают «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим, выражение «процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей...» [17,

с. 4]. А историческая память, в свою очередь, лежит в основе национальной идентичности. Не менее важно то, что на основе положительных примеров историческое образование способно формировать поведенческие стереотипы патриотической направленности, побуждать молодежь к созидательной деятельности в интересах государства.

Есть еще один важный момент, обуславливающий государственную значимость исторического образования. Проблемные вопросы истории, как никогда прежде, стали предметом острого идейно-политического противоборства как внутри страны, так и в межгосударственных отношениях. Одним из феноменов политической жизни целого ряда восточноевропейских государств стала институционализация относительно нового вида государственной политики – исторической, осуществляемой, по заказу и под контролем государства, специализированными научными учреждениями. Реализация такой политики сопровождается неизбежной мифологизацией истории, в интересах тех или иных политических сил.

Так, в реинтерпретацию истории с активным использованием мифотворчества в настоящее время вовлечены Институты национальной памяти на Украине и в Польше. В частности, в период президентства В. Ющенко (2005–2008 гг.) на Украине был открыт «музей советской оккупации», в областных музеях – экспозиции о «Голодоморе» на Украине (1932–1933 гг.), якобы преднамеренно инспирированного из Москвы. Тема «голодомора» при Ющенко была возведена в ранг национальной идеи, вокруг которой власть пыталась консолидировать украинскую нацию.

В 2006 г. Верховная Рада Украины приняла закон, квалифицирующий голод 1932–1933 гг. как геноцид украинского народа.

При принятии закона украинские законодатели не озаботились тем фактом, что от массового голода, ставшего во многом следствием череды неурожайных лет (1927, 1929, 1931), форсированной коллективизации, пострадала не только Украина, но и значительная часть Поволжья, Казахстана, Северного Кавказа и ряда других территорий бывшего Советского Союза [2, с. 230–231]. Одновременно на Украине развернулся процесс реабилитации ОУН–УПА, воевавших на стороне нацистов [6, с. 139]. Антироссийский характер украинской исторической политики после государственного переворота в феврале 2014 г. принял одиозную форму. Последнее предполагает, в том числе, обращение к «археологической войне» (по удачному выражению Н.А. Комлевой), в ходе которой осуществляется уничтожение неудобных материальных памятников как национальной, так и коллективной истории, целью которой является переформатирование национальной идентичности [10, с. 3–4]. Отметим, что эта «война» происходит не только на Украине, но и в Молдове, Польше, ряде других постсоветских республик.

Проблема политизации истории, ставшая необъемлемым атрибутом внутригосударственной и международной жизни, усугубляется разобщенностью сообщества историков, придерживающихся различных политико-идеологических позиций, что влечет за собой конфликтующие друг с другом интерпретации спорных моментов отечественной истории. Раз-

личные версии истории циркулируют в СМИ, влияя на историческое сознание широкой аудитории, в том числе молодежи. В таком идейно-политическом полифонизме у молодежи формируются зачастую искаженные мировоззренческие взгляды и установки. Это неизбежно ведет к деформации традиционного механизма «наследования межпоколенческих ценностей как основных скреп общественного сознания» [20, р. 289].

Что касается семьи как агента политической социализации, то её роль в последнее время носит всё более неоднозначный характер. Это обуславливается, прежде всего, нестабильностью самого института брака в современной России (вместо официальных брачных отношений – распространение сожительства; рост числа матерей-одиночек), что не позволяет ребенку социализироваться здесь на полноценной основе. Но даже в полных семьях родители могут оказать значимое воздействие на политическую социализацию детей только в том случае, если своим примером они сумели доказать успешность своей жизненной позиции. В настоящее время жизненный успех отождествляется с достижением карьерных высот и финансового благополучия, что не только является уделом единиц, но и вступает в противоречие с задачей достижения общественного блага, неотделимого от утверждения принципа воздаяния равным за равное. Нельзя забывать также о том, что в настоящее время более 800 тыс. детей проживают в интернатах и детских домах, а свыше 1 млн., по различным оценкам, являются беспризорниками, то есть остаются вне контролируемого пространства социализации [4, с. 37].

Определенную роль на политическую социализацию молодежи оказывают многочисленные политические и общественные движения – «Российский союз молодежи», «Ленинский комсомол Российской Федерации», молодежный проект «Сеть», созданный в 2014 г. усилиями бывших функционеров проправительственной молодежной организации «Наши» и др. В настоящее время каждая из крупных политических партий стремится обзавестись собственным молодежным движением. У «Единой России» – это «Молодая гвардия единой России», у ЛДПР – «Соколы Жириновского»; у «Справедливой России» – «Справедливая сила», у «Родины» – «Тигры Родины» и т.п. Широкое распространение получили различные неформальные молодежные общественные организации и движения (как проправительственного, так и несистемного характера) [12, с. 3].

Однако, находясь в конкурентном политическом пространстве, они стремятся навязать своим сторонникам и потенциальному электорату собственный образ политического процесса в стране и мире, что далеко не способствует консолидированной политической социализации молодежи, ориентированной на повышение нормы солидарности в обществе. Неоднозначное воздействие на историческое сознание молодежи, помимо прочего, оказывает сама российская действительность.

С одной стороны, укорененность российского патриотизма в качестве ценностно-смыслового ядра личности российского гражданина проявилась в оценке событий, связанных с присоединением Крыма (2014 г.) к России.

Согласно многочисленным опросам, подавляющая часть россиян одобрила присоединение Крыма, рассматривая это как акт восстановления исторической справедливости [14]. С другой стороны, общественно-психологический срез российского общественного сознания подвержен существенным колебаниям, в зависимости от состояния политической и социально-экономической конъюнктуры в стране. Так, большинство россиян (около 90%), согласно одному из опросов ВЦИОМ, гордятся историей, культурой и сильной армией, но уровень жизни в стране вызывает гордость лишь у 20% населения, что создает предпосылки для лабильности политических взглядов и установок [5]. Схожие данные следуют из социологических опросов, проведенных Левада-Центром [7].

Своим содержательным и оценочным контекстом школьное историческое образование должно, по мере возможности, купировать негативные тенденции и настроения, проникающие в школьную среду из внешнего мира. Осуществить это можно только путем формирования у подрастающего поколения позитивного исторического сознания, которое предполагает не «вымарывание» неудобных эпизодов истории, а их причинно-следственную объяснительную интерпретацию. В данном случае происходит не избегание разъяснения причин серьезных проблем пережитых страной в различные исторические эпохи, но и акцент внимания на генеральном тренде исторического развития России. Этот тренд заключается в том, что стране не только удалось (в отличие от многих других) сохранить свою государственность, но и построить мощную,

по совокупному потенциалу, державу. Это тем более важно, что именно историческое сознание, под которым понимают совокупность «...идей, взглядов, чувства, настроений, возникающих в процессе познания и оценки прошлого» [17, с. 14], оказывает прямое или опосредованное воздействие на личностную модель поведения.

Возрастание роли школы в качестве агента политической социализации означает, что она не может ограничиться в преподавании истории лишь когнитивным аспектом, то есть решением сугубо познавательных задач. Как справедливо отмечает ряд историков, в школе в настоящее время должны реализовываться «...все культурно-политические функции истории...», а исторические факты использоваться «...как материал для воспитательных и нравственных уроков». Более того, познавательные аспекты должны, в определенной степени, носить подчиненный этим задачам характер» [18, с. 42].

На этом пути школьное историческое образование в настоящее время сталкивается с рядом препятствий как содержательного, так и институционального характера. Если прежде, в советское время, школьное образование ориентировалось на формирование целостной (холистской) мировоззренческой картины мира у учащихся (с объяснением основных социологических законов общественного развития), то ныне в образовательном пространстве доминирует ценность узкоспециализированного, прагматичного знания, предназначенного для достижения быстрых успехов в профессиональной карьере. Такой подход трудно совместим с задачами патриотического воспитания, предполагающего формиро-

вание ценностного ряда, нацеленного не только на обслуживание частных интересов, но и служение обществу.

Не меньшую проблему для школьного исторического образования и, соответственно, патриотического воспитания представляет официально закрепленный принцип «деидеологизации», санкционирующий возможность плюралистического подхода к изложению отечественной истории, что предполагает различные, в том числе конфликтующие, трактовки отечественной истории. На практике оказалось, что деидеологизация школьного образования, во многом, фиктивная – на место марксистско-ленинской идеологии пришли различные идейно-политические суррогаты, претендующие тем не менее на истинность своего концепта в изложении отечественной истории. Подобная ситуация входит во всё большее противоречие с государственными установками в этой области.

Трансформация исторического образования в интересах позитивной политической социализации

Впервые мысль о необходимости «единой» концепции учебника была высказана президентом РФ В.В. Путиным на заседании Совета по международным отношениям 19 февраля 2013 г. Подобный подход был не только целесообразен в условиях развития постсоветской российской государственности, но и оправдан предшествующим как отечественным, так и мировым опытом. В частности, французский историк М. Ферро, один из представителей французской научной школы «Анналов», в своем исследовании «Как

рассказывают историю детям в разных странах мира», пришел к выводу, что в любой стране, в той или иной степени, реализуется механизм государственного и общественного контроля за преподаванием истории» [3, с. 184].

В российском образовательном пространстве выход, как известно, был найден в принятии в 2015 г. концепции нового учебно-методического комплекса (УМК) по отечественной истории и включенного в его состав единого историко-культурного стандарта, ориентирующего авторов на объективный показ как впечатляющих достижений, так и драматических страниц в истории России. Не отвергая возможность презентации различных идейно-политических подходов, содержательный компонент учебников истории отныне должен выполнять консолидирующую функцию в обществе, быть ориентированным на укрепление, а не на разрушение российской государственности.

Вместе с тем принятие единого историко-культурного стандарта не решило всех проблем в сфере преподавания истории. В новой концепции УМК приведен перечень «трудных» вопросов истории, которые нуждаются в дальнейшем историко-теоретическом обосновании на соответствующих тематических комиссиях. В то же время проблемное поле истории не исчерпывается данным перечнем. Речь идет даже не о недавнем советском прошлом – практически каждая историческая эпоха или крупная историческая личность по сей день вызывают спорные трактовки и оценки, которые могут быть использованы, в том числе, и для фальсификации отечественной истории.

Проблема неизбежных разночтений в интерпретации прошлого поднимает вопрос о необходимости консолидированного подхода учительского сообщества к преподаванию истории. В советский период проблема выработки «единого» подхода среди педагогического состава по спорным проблемам решалась в рамках обязательной и бесплатной для прохождения системы повышения квалификации учителей кадров. В настоящее время система повышения квалификации является платной и трудно реализуемой в силу необходимости отрыва учителей от плотного графика учебного процесса. При этом для самостоятельного повышения квалификации у них фактически не остается свободного времени [11].

Приоритетность внимания к системе повышения квалификации учителей кадров объясняется и тем, что, помимо достижения консенсуса в освещении дискуссионных исторических проблем, она должна «вооружить» педагогов как знаниями, так и умениями по аргументированному разоблачению в рамках соответствующей тематики распространенных фальсификаций отечественной истории, способствующих размыванию ценностных основ национальной идентичности россиян. Для России, вынужденной и поныне отстаивать свою «самобытность» в контексте многочисленных вызовов и рисков развивающейся, конфликтной по своей сути, глобализации, эта проблема более чем актуальна.

Одно перечисление циркулирующих в информационном пространстве мифов относительно новейшей истории России требует немалого времени. Среди них – возложение равной

ответственности за развязывание второй мировой войны на СССР и нацистскую Германию; отождествление политических режимов в СССР и нацистской Германии; насильственная оккупация и советизация прибалтийских республик; о коллаборационистах как патриотах России; о решающей роли западных союзников в победе над Германией и Японией; об исключительной виновности Советского Союза в развязывании «холодной войны»; о победе западного мира в «холодной войне» благодаря преимуществам капитализма как общественно-экономической формации и др.

Система повышения квалификации предполагает тематико-содержательное согласование учебных курсов истории и обществознания, которое, наряду с историческим образованием, является важнейшим средством первичного ознакомления учащихся с политико-правовой действительностью. Но даже повышение профессионального уровня учителей истории еще не способно в полной мере обеспечить задачу гражданско-патриотического воспитания молодежи. Для этого историческое образование должно быть подкреплено формированием соответствующей школьной образовательной среды, где целевая установка по формированию у школьников базовых патриотических ценностей должна пронизывать весь уклад школьной жизни, определять как урочную, так и внеурочную деятельность обучаемых.

Эта работа должна включать в себя не только традиционную внеурочную активность, связанную с посещением исторических мест или организацией празднования памятных дат, но и привлечение школьников к активной крае-

ведческой работе, направленной на дальнейшее изучение истории своей «малой» родины, а также решение конкретных социальных, экологических, культурных, экономических и иных проблем по благоустройству родного края, города и поселка.

Особое место во внеурочной деятельности должно принадлежать военно-патриотическому воспитанию, поскольку наиболее славные страницы истории России связаны с её военной историей. При организации этой работы должен быть учтен советский опыт, при условии его разумной адаптации к существующим реалиям российского образования. К сожалению, в настоящее время возрождение ряда институтов советского военно-патриотического воспитания (введение спортивного комплекса «ГТО», военно-спортивных игр «Орлёнок» и «Зарница», учреждение в школах военно-патриотических клубов и схожих организаций и др.) носит, во многом, формальный характер.

Выводы

Автор пришел к следующим выводам. Во-первых, под воздействием ряда новых факторов содержание политической социализации в настоящее время существенно изменилось, что ограничивает возможности государства по обеспечению его позитивной направленности. Во-вторых, в этих условиях именно школа, реализуя государственный заказ в сфере политической социализации подрастающей молодежи, остается едва ли не единственным ин-

ститутотом, способным придать ей контролируемый, управляемый характер. В-третьих, особая роль в этом процессе по-прежнему принадлежит школьному историческому образованию. Это обусловлено не только тем, что положительная интерпретация отечественной истории способна сформировать у молодежи ценностно-поведенческие стереотипы созидательного характера. В настоящее время школьное историческое образование призвано противостоять негативным тенденциям, связанным с усиливающейся политизацией истории, распространением фальсифицированных версий в трактовке отдельных периодов и фактов национальной и коллективной истории. Тиражируемая различными недобросовестными СМИ искаженная интерпретация отечественной истории способна существенно деформировать процесс политической социализации подрастающего поколения. Не допустить этого тем более важно, что российская политическая система, сможет обеспечить необходимый уровень интеграции и стабильности только в том случае, если ей удастся сформировать у подрастающего поколения совокупность политических знаний, ценностей и установок, направленных на конструктивную деятельность по развитию общества. В-четвертых, исследование показало, что, несмотря на предпринимаемые государством усилия, потенциал школьного исторического образования в качестве инструмента политической социализации используется далеко не в полной мере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 290 с.
2. Багдасарян В.Э. Антироссийские исторические мифы. М.: Питер, 2016. 270 с.
3. Багдасарян В.Э., Абдулаев Э.Н., Клычников В.М., Ларионов В.Э., Морозов А.Ю., Орлов И.Б., Строганова С.М. Школьный учебник и государственная политика. М.: Научный эксперт, 2009. 376 с.
4. Бычков Д.В. Особенности процесса политической социализации молодежи в современном российском обществе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 49. С. 35–40.
5. ВЦИОМ: более 80% россиян гордятся историей, наукой и армией страны // РИА-Новости [сайт]. – URL: <https://ria.ru/society/20160916/1477090931.html> (дата обращения: 02.02.2018).
6. Вяземский Е.Е., Болотина Т.В. Третий Всероссийский съезд учителей истории и обществознания: информационный повод к осмыслению системы историко-обществоведческого образования в российской школе // Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. 2016. № 2. С. 137–146.
7. Гордость и стыд // Левада-Центр [сайт]. – URL: <https://www.levada.ru/2017/03/01/> (дата обращения: 01.02.2018).
8. Громов И. А., Мацкевич И.А., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб.: «Издательство ДНК». 2003. 286 с.
9. Иванников Б.Д., Панкратов А.В., Сергеев В.В. Личность в политической сфере: социализация в контексте проблем безопасности современного российского общества. Ставрополь: [б/и], 2003. 268 с.
10. Комлева Н.А. Глобальная концентрическая война: основные тренды // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 2. С. 1–17.
11. Лихачева Н. Написать историю // Российская газета. 2016. 12 апр.
12. Мосоликов С.А. Пропрезидентские молодежные объединения современной России: основные направления деятельности // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. С. 1–19.
13. Политическая культура: теория и национальные модели / Отв. ред. К.С. Гаджиев; сост. Д.В. Гудименко. М.: Интерпракс, 1994. 351 с.
14. Референдум о статусе Крыма (2014) // Википедия [сайт]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 02.02.2018).
15. Рубчевский К.В. Социализация личности: интериоризация и социальная адаптация // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 147–151.
16. Савельева И.М. Перекрестки памяти // Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 398–421.
17. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–15.
18. Федорова Н.Г. Историческое сознание, историческая память и учебник истории: взаимосвязь и взаимовлияние (к вопросу о формировании социальной идентичности средствами школьного обучения) // Вестник Чувашского университета. 2007. № 4. С. 40–46.
19. Grenstein F. A note on the Ambiguity of “political socialization”: definitions, criticism and strategies of inquiry // Journal of Politics. 1970. Vol. 32. Pp. 969–978.
20. Merelman R.M. Revitalizing Political Socialization // Hermann M. (ed.) Political Psychology. San-Francisco: Jossey-Bass, 1986. Pp. 279–319.

21. Washburn Ph. A Life Course Model of Political Socialization // *Politics and Individual*. 1994. Vol. 4. № 2. Pp. 1–26.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2001. 290 p.
2. Bagdasaryan V.E. *Antirossiiskie istoricheskie mify* [Anti-Russian historical myths]. Moscow, Piter Publ., 2016. 270 p.
3. *Shkol'nyi uchebnik i gosudarstvennaya politika* [School textbooks and public policy]. Bagdasaryan V.E., Abdulaev E.N., Klychnikov V.M., Larionov V.E., Morozov A.Yu., Orlov I.B., Stroganova S.M. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2009. 376 p.
4. Bychkov D.V. [Features of process of political socialisation of youth in contemporary Russian society] In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2008, no. 49, pp. 35–40.
5. VTSIOM: bolee 80% rossiyan gordyatsya istoriei, naukoj i armiej strany [VTSIOM: more than 80% of Russians are proud of the history, science and army of the country]. [RIA-Novosti [website]. Available at: <https://ria.ru/society/20160916/1477090931.html> (accessed: 02.02.2018).
6. Vyazemskii E.E., Bolotina T.V. [Third all-Russian Congress of teachers of history and social science: cause to understand the system of historical and social science education in Russian schools] In: *Sovremennoe dopolnitel'noe professional'noe pedagogicheskoe obrazovanie*, 2016, no. 2, pp. 137–146.
7. Gordost' i styd [Pride and shame]. Levada Center [website]. Available at: <https://www.levada.ru/2017/03/01> (accessed: 01.02.2018).
8. Gromov I.A., Matskevich I.A., Semenov V.A. *Zapadnaya teoreticheskaya sotsiologiya* [Western theoretical sociology]. SPb., «Izdatel'stvo DNK» Publ., 2003. 286 p.
9. Ivannikov B.D., Pankratov A.V., Sergeev V.V. *Lichnost' v politicheskoi sfere: sotsializatsiya v kontekste problem bezopasnosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Identity in the political sphere: socialisation in the context of security problems of modern Russian society]. Stavropol, [b/i] Publ., 2003. 268 p.
10. Komleva N.A. [Global consciential war: main trends] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)*, 2015, no. 2, pp. 1–17.
11. Likhacheva N. *Napisat' istoriyu* (To write history). In: *Rossiiskaya gazeta*, 2016, 12 Apr.
12. Mosolikov S.A. [The pro-presidential youth organizations of modern Russia: the basic directions of activities] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)*, 2016, no. 4, pp. 1–19.
13. *Politicheskaya kul'tura: teoriya i natsional'nye modeli*. Otv. red. K.S. Gadzhiev; sost. D.V. Gudimenko [Political culture: theory and national models / Ed. K.S. Hajiyeve; D.V. Gudimenko]. Moscow, Interpraks Publ., 1994. 351 p.
14. Referendum o statuse Kryma (2014) [Referendum on status of the Crimea (2014)]. [Wikipedia [website]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed: 02.02.2018).
15. Rubchevskii K.V. [Socialization of personality: the interiorization and social adaptation] In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2003, no. 3, pp. 147–151.
16. Savel'eva I.M. *Perekrestki pamyati* [The crossroads of memory]. In: *Khatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati* [Hutton, P. History as an art of memory]. SPb., Vladimir Dal' Publ., 2003, pp. 398–421.
17. Toshchenko Zh.T. [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state] In: *Novaya i noveishaya istoriya*, 2000, no. 4, pp. 3–15.

18. Fedorova N.G. [Historical consciousness, historical memory and textbook of history: interrelation and mutual influence (the question of social identity formation by means of schooling)]. In: *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2007, no. 4, pp. 40–46.
19. Grenstein F. A note on the Ambiguity of “political socialization”: definitions, criticism and strategies of inquiry. In: *Journal of Politics*, 1970, vol. 32, pp. 969–978.
20. Merelman R.M. Revitalizing Political Socialization. Hermann M. (ed.) *Political Psychology*. San-Francisco: Jossey-Bass, 1986, pp. 279–319.
21. Washburn Ph. A Life Course Model of Political Socialization. In: *Politics and Individual*, 1994, vol. 4, no. 2, pp. 1–26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куркин Виталий Алексеевич – соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: v.kurkin01@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaliy A. Kurkin – competitor for the candidate degree of the Department of Political Sciences and Law, Moscow Region State University;
e-mail: v.kurkin01@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Куркин В.А. Роль школьного исторического образования в политической социализации учащейся молодежи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 111–124.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-111-124

FOR CITATION

V. Kurkin. The Role of School History Education in the Political Socialization of Students. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 1, pp. 111–124.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-111-124